

RU

Вербальные маркеры угрозы в публичных высказываниях англоязычного сегмента социальной сети Твиттер

Дини И. А., Решетняк Д. А., Дроздова Е. А.

Аннотация. Целью исследования является установление корреляции интенсивности угрозы и специфических языковых средств, выражающих ее в социальной сети Твиттер (лексемы, дистрибуция лексем, грамматические конструкции). Угроза как регулярное явление интернет-пабликов реализуется в соответствующих контекстуальных условиях, наделена особой стилистикой и актуализируется благодаря рекуррентным грамматическим конструкциям. Такие условия актуализации угрозы ассоциируют ее с речевой стратегией, актуальной в интернет-дискурсе. Научная новизна исследования обусловлена обращением к функциям маркеров угрозы в градации ее интенсивности в англоязычном сегменте социальной сети Твиттер. В результате исследования определено, что текстуальное пространство социальных сетей обладает высокой степенью имплицитности, экспрессивности и оценочности, в нем особое место отводится вербальным маркерам угрозы как ключевым элементам комментариев и сообщений. Интенсивность угрозы возможно определить благодаря лингвистическим средствам, актуализирующим ее в социальном контексте. Сами высказывания, содержащие угрозу, имеют соответствующую стилистику и экспрессию, выстроены согласно наиболее типичным грамматическим конструкциям. Анализ последних позволяет говорить о реальности прогнозируемого угрозой действия и возможности перехода из плоскости интернет-общения в реальный мир.

EN

Verbal markers of threat in public statements of the English-speaking segment of the social network Twitter

Deeney I. A., Reshetnyak D. A., Drozdova E. A.

Abstract. The aim of the study is to establish a correlation between the intensity of a threat and the specific linguistic means expressing it in the social network Twitter (lexemes, distribution of lexemes, grammatical constructions). Threat as a regular phenomenon of Internet public pages is realised in the appropriate contextual conditions, it is endowed with a particular style and is actualised through recurrent grammatical constructions. Such conditions of threat actualisation make it possible to associate it with the speech strategy relevant in Internet discourse. The scientific novelty of the study is accounted for by considering the functions of markers of threat in the gradation of its intensity in the English-speaking segment of the social network Twitter. As a result of the study, it has been determined that the textual space of social networks has a high degree of implicitness, expressiveness and evaluativeness, verbal markers of threat occupy a special place in the textual space of social networks as key elements of comments and messages. The intensity of a threat can be determined through the linguistic means of its actualisation in a social context. The statements containing a threat themselves have the appropriate style and expression, are built according to the most typical grammatical constructions. The analysis of the latter allows us to talk about the credibility of the action predicted by the threat and the possibility of transition from the plane of Internet communication to the real world.

Введение

Актуальность выбранной проблемы исследования обусловлена ее непосредственной близостью к вопросам дискуртологии и конфликтологии в парадигме интернет-контекста. Агрессия и угроза в современном обществе, даже если это исключительно вербальное, не имеющее физического воплощения явление, рассматриваются достаточно серьезно. На основании языковой актуализации намерений возможно не просто максимально точно представить лингвистический профиль автора сообщения, степень его аффекта и фрустрации,

но и прогнозировать возможность перехода от слов к действию, провести оценку потенциальной угрозы адресату/обществу. Наряду с актуальностью в практическом аспекте исследование проливает свет на научную сторону вопроса. Научная релевантность работы заключается в принципиальной важности изучения агрессии и угроз в лингвистическом ракурсе с позиции систематизации языковых средств и их понятийного объема.

Достижение цели работы планируется благодаря поэтапному решению нескольких поставленных задач: на основании анализа языковых средств рассмотреть интенсивность угрозы и классифицировать ее; определить специфическую стилистику и эмоциональный фон (экспрессию) высказываний, содержащих угрозу; установить наиболее типичные грамматические формы высказываний, позволяющие в определенном социальном контексте транслировать реальность и интенсивность угрозы.

В качестве объекта данной научной работы выступают тексты сообщений социальной сети Твиттер, выражающие угрозу и направляющие ее на конкретного адресата. Предметом работы являются специфические языковые средства – маркеры угрозы.

Теоретической базой работы выступают исследования зарубежных ученых в области изучения дискурсивных практик (Searle, 2014; Small, Medsker, 2014; Matheson, 2018), исследования коммуникации в сети (Brynielsson, Horndahl, Johansson et al., 2012; Harris, 1984; Meloy, Hoffmann, Guldemann et al., 2012) и дистрибуции вербальных маркеров (Limberg, 2009; Fraser, 1998; Gingiss, 1986).

Материалом исследования являются лингвистические средства – маркеры угрозы, отобранные при помощи сплошной выборки в социальной сети Твиттер. В качестве методов работы с эмпирическими данными используются метод контекстуального анализа и дистрибуции, дискурсивный метод, переводческий метод.

Практическая ценность разработки заключается в возможности применения ее результатов для последующего создания технического задания и тренировки нейросети, призванной автоматически отслеживать вредоносные сообщения, опираясь на ключевые слова или маркеры сообщений. Результаты работы также актуальны для идентичных перспективных лингвистических и смежных с языком исследований. Кроме того, материалы исследования имеют практическую значимость для образовательного процесса, в частности, результаты работы могут быть дидактическим материалом для курсов по теории дискурса, стилистике, лексикологии и для переводческих дисциплин.

Обсуждение и результаты

Методология системного анализа лингвистических и нелингвистических научных трудов, релевантных для настоящего исследования, показывает, что в качестве угрозы выступает переданное языковыми средствами письменное либо устное угрожающее сообщение, контент которого непосредственно указывает на негативные для адресата последствия описываемого акта (Fraser, 1998; Gingiss, 1986). Благодаря специфическим языковым маркерам угрозы возможно предопределить позицию адресата, то есть специфицировать ее характер в качестве косвенной или прямой угрозы. Если же рассматривать угрозу как явление с точки зрения имеющейся у нее иллюквативной нагрузки, ее можно идентифицировать как прямую/косвенную попытку запугивания адресата сообщения посредством импликации/экспликации в самой угрозе потенциально нанесенного ему/ей/им вреда. Однако при этом условием существования угрозы является сам контекст, включая лингвистические и нелингвистические обстоятельства, сопровождающие непосредственно речевой акт, содержащий маркер угрозы (Small, Medsker, 2014). Иными словами, важно определять саму угрозу как явление, обладающее в своей основе экстралингвистической подоплекой и имеющее языковую актуализацию, которая, в свою очередь, в соответствующих институциональных условиях реализуется между участниками конфликтной ситуации (Davison, Pennebaker, Dickerson, 2000). Таким образом, перформативные высказывания при условии конфликтного социального контекста дают основания для прогнозирования реализации угрозы.

Учитывая существенную напряженность современного мира, практически повсеместную свободу слова и выражения, вербальная угроза становится серьезной проблемой. И если в реальном мире угроза и действие зачастую не отделимы друг от друга, то в виртуальном мире ввиду анонимности и некоторой неперсонифицированности ее можно встретить гораздо чаще. И речь не всегда идет о таких ситуациях, где угроза реально уместна. Всемирная паутина пестрит агрессивными высказываниями по любому поводу зачастую из-за безнаказанности, анонимности и доступности.

Политика большинства социальных платформ запрещает насилие и агрессию в любых видах, даже если агрессия и угроза носят юмористический характер. Проверка контента соцсетей на предмет наличия/отсутствия угроз ведется вручную и автоматически. В первом случае речь идет о специально обученной нейросети, реагирующей на соответствующие ключевые слова и синтаксические конструкции. Во втором – проверка ведется человеком, способным анализировать контекст на языке оригинала и трактовать ситуацию. Данное обстоятельство мотивирует появление многочисленных практикоориентированных исследований, предлагающих техническое задание для создания программных инструментов отслеживания угроз (Limberg, 2009). Нельзя переоценить важность таких исследований, поскольку продукты, созданные на их основе, смогли предотвратить массу преступлений на почве вражды. Ниже представим результаты анализа и систематизации работ по изучению языковых маркеров угрозы и потенциальной возможности ее практической реализации. Отметим, что междисциплинарность современной науки позволяет изучать феномен угрозы с позиций учета знаний разных научных дисциплин. Соответственно, при создании теоретической базы работы учитывались труды ученых, релевантные для настоящего исследования либо соотнесенные с ним по тому или иному параметру.

Итак, анализ трудов в области бихевиоризма и социологии показывает, что феномен угрозы был неоднократно исследован сквозь призму его социальной природы и прагматического потенциала. В частности, в исследованиях отмечается пропорциональная зависимость вербальной детализации угрозы и ее потенциальной реализации. Таким образом, если в высказывании содержатся расплывчатые формулировки и общие фразы, уровень ее физического воплощения снижен (Milburn, Watman, 1981; Dahlin, Johansson, Kaati et al., 2012).

Исследования в области языковых аспектов угрозы показывают, что, как правило, угрозы представляют собой фреймовую конструкцию, включающую обязательные элементы, вербализуемые посредством специфического типа синтаксических конструкций-утверждений (Harris, 1984).

Если говорить непосредственно о лингвистическом освещении проблемы угрозы и ее вербальных маркерах, то, как правило, все они описываются учеными как целый набор средств, самостоятельно или в определенных контекстуальных условиях транслирующих угрозу и враждебность/агрессию посредством повторяющейся лексики (Harris, 1984; Beatty, McCroskey, 1997). Другие исследования в большей степени опираются на сами грамматические конструкции (Van Hee, Jacobs, Emmery et al., 2018), конструкции, которые в совокупности с языковыми средствами наделяют угрожающего властью над адресатом угроз (Rezaeinia, Rahmani, Ghodsi et al., 2019). Такие работы выводят язык угроз на новый уровень и позволяют ему становиться отдельным видом социолингвистического явления, варьирующегося в зависимости от задействованных языковых средств, интенсивности и прогнозируемой физической активности (Brynielsson, Horndahl, Johansson et al., 2012).

На основании анализа и систематизации исследований можно сделать вывод об актуальности изучения совокупного иллокутивного потенциала угрозы, если рассматривать его с позиций взаимосвязей и взаимозависимостей. Так, опираясь на исследование А. С. Рансера (Rancer, Avtgis, 2006), можно утверждать, что любая лексема, находящаяся в контексте угроз, представляет собой часть целого механизма, иннервирующего эмоциональную сферу говорящего как инициальную составляющую и слушающего как финальный результат. И поскольку в социальных сетях напряженность в связи с происходящими в наше время событиями существенно возрастает, речевая угроза эксплицитно либо имплицитно присутствует в языковых и неязыковых средствах (эмотиконах) в социальных сетях и пабликах. И с учетом того, что угроза – это не только прямое языковое воплощение намерений говорящего, а также импликация прогнозируемого события, в настоящей статье в расчет принимаются и реплики, подразумевающие угрозу, несущие в себе ее образ и скрытый потенциал. Иными словами, отбор исследовательского корпуса велся с учетом наличия прямых вербальных маркеров угрозы, равно как и имплицитивы. Таким образом, к лингвистическому анализу привлечены не только предикаты, имеющие отрицательную коннотацию с акцентом на угрозу, но и модальные, также вспомогательные глаголы, оценочные определения, имена собственные, личные местоимения, выполняющие роль субститутов соответствующих существительных. Благодаря такому разнородному составу исследовательского корпуса стало возможным разработать частеречную таксономию маркеров угрозы и выделить предикаты угрозы, обстоятельства, определения. Сам исследовательский тезаурус сформировался на основании сплошной выборки синтагм, собранных из комментариев и сообщений социальной сети Твиттер. В фокусе внимания находились непосредственно общедоступные сообщения с интересующим эксплицитным либо имплицитным контекстом угрозы, вербализованной той или иной частью речи с разной степенью интенсивности. Обращение к такого рода фактическому материалу в нашем случае обусловлено несколькими причинами. Прежде всего, доступность информации предопределяет степень фрустрации угрожающего, который производит враждебное высказывание даже понимая, что сообщение расположено в открытом доступе. Кроме того, в открытый доступ попадают разнородные сообщения, охватывающие разнообразные темы, вызывающие недопонимание и, как следствие, агрессию. Такими темами являются в первую очередь расизм, половое равенство/неравенство, социальная дискриминация, конфликты на почве вероисповедания и религии, насилие и т. д. В связи с последним открывается возможность классификации маркеров угрозы согласно социальной сфере.

Итак, примеры репрезентации угроз, которые последуют ниже, являются самыми типичными и репрезентативными стратегиями публичного дискурса. Отметим, что все примеры – это цитаты с соблюдением аутентичной орфографии и пунктуации. Как правило, пример является отдельным предложением, реже микротекстом, несущим в себе информацию о злонамеренном действии говорящего по отношению к адресату. Причем угроза может быть как правдоподобной и интенсивной (в таком случае акцент смещается на детализацию предполагаемого действия), так и неправдоподобной, шутливой, оцениваемой как неудачная шутка и т. д.

Например, в следующем предложении благодаря соответствующему глаголу и некоторым вербальным маркерам имеет место настоящая ситуация угрозы. Однако, если просматривать ее интенсивность по условной шкале и учитывать сопряженный с угрозой юмор, можно говорить о ее шутовском характере, не имеющем ничего общего с реальностью:

“haha April fool’s” I will stab you, shut up. / «Ха-ха, первоапрельская шутка, я тебя прикончу, заткнись» (здесь и далее – перевод авторов статьи. – И. Д., Д. Р., Е. Д.).

Итак, даже специфический предикат, употребление глагола с отрицательной коннотацией «заткнись» нейтрализуются социальным контекстом, юмором и соответствующей дистрибуцией. Таким образом, угроза приобретает низкий уровень и потенцию реализации с учетом смягчающего контекста. Такого рода угроза маловероятная для реализации, поскольку в предложении не содержится сведений о деталях предполагаемого преступления: данных о месте, времени, способе. И если принимать во внимание тот факт, что социальная сеть Твиттер является публичной и любой комментарий выставлен на всеобщее обозрение, хранится годами и может свидетельствовать против самого автора, такого рода угрозы встречаются достаточно часто

и имеют разнообразные формы. Так, например, в следующем предложении речь идет не столько об угрозе, сколько о негативном потенциале человека:

I might look nice. But I will stab you with my hairpiece. / «*Может, я и выгляжу мило, но я проткну тебя шпилькой для волос*».

В данном случае акцент смещается на личные границы автора, который предупреждает о том, что легко готов перейти от слов к действию при наличии подходящих для этого внешних обстоятельств, которые в контексте актуализируются имплицитно:

i will stab you with a razor – sharp piece of my own broken heart. / «*Я проткну тебя острием, острым осколком моего разбитого сердца*».

Более интенсивная угроза, выраженная при помощи глагола *stab*, – это угроза так называемой средней степени. В данном случае она в большей степени реалистична и правдоподобна. Однако, несмотря на это, такая угроза все же оставляет сомнения у адресата на предмет возможности осуществления задуманного. В самом тексте угрозы появляется больше конкретных деталей и описания, например, может говориться о способе и оружии расправы, как в нижеследующем предложении:

One more time I see carlos sainz hate on my tl... I will stab you all with lando knife.... I am not even joking at this point. / «*Еще раз я узнаю о ненависти Карлоса Саинз... Я проткну вас всех своим ножом... Я сейчас даже не шучу*».

В представленном выше примере интенция говорящего подчеркивается словами о серьезности намерений. А в нижеследующем предложении интенсификатором угрозы служат заглавные буквы, подчеркивающие негативный тон автора сообщения и его раздражение:

I WILL STAB YOU WITH MY STICKY PINEAPPLE KNIFE. / «*Я проткну тебя своим липким ножом для резки ананасов*».

Угрозы высокой степени вероятности – это сообщение-цель, когда говорящий в большей степени готов перейти от слов к действиям (Tausczik, Pennebaker, 2010). В таких сообщениях нет места юмору или сомнениям, в них появляются ругательства и ненависть, например:

I hate this one nigga I will actually kill him if I get the chance. / «*Я ненавижу этого негра, я прибью его, как только меня появится возможность*».

gotta go real fast i will stab you in the face i hate everyone. / «*Придется действовать быстро, я проткну тебе лицо, ненавижу всех*».

В представленных выше примерах речь идет о ненависти и высокой степени фрустрации говорящего. Идентичная ситуация просматривается в нижеследующем примере, но для интенсификации угрозы там используются табуизированная лексика и заглавные буквы:

FUCK YOU ALL I WILL SHOOT ALL YOUR BRAINS OUT. / «*Пошли вы к черту, я прострелю вам мозги*».

Однако интенсификации угрозы способствуют не только слова с отрицательной коннотацией и графические средства, но и сам контекст, например предыдущий опыт автора сообщения, свидетельствующий в пользу реальности ситуации:

The last time my mother beat me I was 8 and immediately got a knife and tried to stab her so take that as you will. / «*В последний раз, когда меня побилла мать, а мне было 8 лет, я сразу же схватился за нож и пытался прикончить ее, так что понимай это, как хочешь*».

Маркерами угрозы, выражающими высокую степень фрустрации, могут быть и оскорбительные обращения, слова сниженного тона. В совокупности с заглавными буквами и соответствующим глаголом *kill* в сочетании с глаголом *will* свидетельствуют в пользу реальности угрозы (Cohen, Johansson, Kaati et al., 2014), если не в физическом смысле, то нанесения любого вреда точно:

STUPID FUCKING RAT BASTARD YOU WILL NOT BE REDEEMED THIS TIME I WILL KILL YOU. / «*Гребаная, тупая крыса, ублюдок, на этот раз тебе не отвертеться, я прикончу тебя*».

Отметим, что степень правдоподобности и интенсивности угрозы в представленных примерах достаточно условна. Дело в том, что настоящая угроза, так называемый в англоязычном сегменте элемент *credible threat*, отслеживается и блокируется искусственным интеллектом, который предопределяет работу платформы. Далее полученные данные проверяются вручную и, если решение искусственного интеллекта верное, убираются с платформы, а сведения передаются в полицию. Для реализации таких действий угроза в Интернете должна быть не просто набором бранных слов, иметь соответствующую графическую маркированность, она должна быть спланированной, отражать время, место, способ совершения преступления. Зачастую здесь речь идет не о словесной перепалке сторонников противоположных взглядов, а о хладнокровном готовящемся преступлении. Данные о таких угрозах быстро распознаются платформой и убираются из общего доступа, соответственно, не могут попасть в исследовательское поле.

В имеющемся исследовательском тезаурусе следует опираться исключительно на вербальный контекст угроз, вероятность которых градуируется в зависимости от маркеров-интенсификаторов (Melo, Hoffmann, Guldemann et al., 2012). Среди последних особенно распространены глаголы с отрицательной семантикой (преимущественно *to kill, to stab, to shoot etc.*), глаголы, выражающие волеизъявление или четкую интенцию на ближайшее будущее (например, *will*), табуированная лексика, лексика сниженного стиля, оскорбления (сравнение с животными, разными частями тела), наречия времени. Контекст в таких случаях также имеет безусловное значение. Например, благодаря сослагательному наклонению степень угрозы снижается и в большей степени превращается в попытку выплеснуть негативные эмоции. Отметим, что уничижительные и оскорбительные номинативы в англоязычной культуре напрямую ассоциируются с угрозой и квалифицируются как маркеры угроз:

If i was alone in a room with barto and alba and i had 2 bullets. I will shoot this bastard twice. / «Если я был в комнате с Барто и Альбой и у меня было бы две пули, я бы застрелила этого ублюдка дважды».

Итак, подытоживая краткий анализ экспрессивно-стилистических характеристик маркеров угрозы, указывающих на ее различную степень градации, можно говорить не только о ее имплицитности/эксплицитности, но и способах такого проявления в различной дистрибуции лексем в соответствующем контексте.

Заключение

В результате лингвистического анализа фактических данных в рамках междисциплинарного подхода можно сделать вывод о том, что ситуация угрозы варьируется по интенсивности с учетом коммуникативной стратегии, базирующейся на силе иллюкутивного намерения, заложенного в ее произнесении. И если говорить о языковом воплощении прямых и косвенных угроз, то переход от слов к действию маловероятен в случае, когда вербализация угрозы вмещает в себя модальные глаголы и придаточные предложения. Реальный риск угрозы возникает при появлении в синтагме средств коммуникативного замысла.

Следующий вывод, который можно сделать по результатам аналитических работ, – это наличие экспрессии и своеобразной стилистики, оценочности и имплицитности у высказываний, содержащих угрозу. Такая «атмосфера» коммуникативной ситуации в интернет-пространстве создается за счет соответствующих маркеров и интенсификаторов и представляет собой неотъемлемый конструктивный элемент высказывания.

Кроме того, угроза характеризует и характеризуется своеобразными грамматическими формами высказывания. Последние актуальны и репрезентативны в соответствующем социальном контексте, когда прогнозируемое действие и ожидание адресата совпадают в коммуникативном поле и кажутся вполне реальными и оправданными, причем совершенно непринципиально, являются ли они эксплицитными или имплицитными, их эффект одинаково очевиден. Последнее предопределено именно специфическими маркерами и соответствующим контекстом.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим не только в более детальном рассмотрении интенсификаторов угрозы и ее маркеров, их тематической таксономии, классификации согласно интенсивности, разницы угроз в различных социальных сетях, но и в исследовании в полном объеме и деталях целого уровня психологической напряженности социума на том или ином этапе развития.

Источники | References

1. Beatty M. J., McCroskey J. C. It's in Our Nature: Verbal Aggressiveness As Temperamental Expression // Communication: Quarterly. 1997. Vol. 45 (4). <https://doi.org/10.1080/01463379709370076>
2. Brynielsson J., Horndahl A., Johansson F., Kaati L., Mårtenson Ch., Svenson P. Analysis of Weak Signals for Detecting Lone Wolf Terrorists // Proceedings of EISIC. Los Alamitos – Washington – Tokyo, 2012. <https://doi.org/10.1109/eisic.2012.20>
3. Cohen K., Johansson F., Kaati L., Mork J. C. Detecting Linguistic Markers for Radical Violence in Social Media // Terrorism and Political Violence. 2014. Vol. 26 (1). <https://doi.org/10.1080/09546553.2014.849948>
4. Dahlin J., Johansson F., Kaati L., Mårtenson Ch., Svenson P. Combining Entity Matching Techniques for Detecting Extremist Behavior on Discussion Boards // 2012 IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining. Washington, 2012. <https://doi.org/10.1109/asonam.2012.154>
5. Davison K. P., Pennebaker J. W., Dickerson S. S. Who Talks? The Social Psychology of Illness Support Groups // The American Psychologist. 2000. Vol. 55 (2). <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.2.205>
6. Fraser B. Threatening Revisited // Forensics. 1998. Vol. 5 (2). <https://doi.org/10.1558/sll.1998.5.2.159>
7. Gingiss P. Indirect Threats // Word. 1986. Vol. 37 (3).
8. Harris S. The Form and Function of Threats in Court // Language & Communication. 1984. Vol. 4 (4). [https://doi.org/10.1016/0271-5309\(84\)90010-7](https://doi.org/10.1016/0271-5309(84)90010-7)
9. Limberg H. Impoliteness and Threat Responses // Journal of Pragmatics. 2009. Vol. 41 (7). <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2009.02.003>
10. Matheson D. The Performance of Publicness in Social Media: Tracing Patterns in Tweets After a Disaster // Media, Culture & Society. 2018. Vol. 40 (4). <https://doi.org/10.1177/0163443717741356>
11. Meloy J. R., Hoffmann J., Guldemann A., James D. The Role of Warning Behaviors in Threat Assessment: An Exploration and Suggested Typology // Behavioral Sciences and the Law. 2012. Vol. 30 (3). <https://doi.org/10.1002/bsl.999>
12. Milburn T. W., Watman K. H. On the Nature of Threat: A Social Psychological Analysis. N. Y.: Praeger Publishers, 1981.
13. Rancer A. S., Avtgis, T. A. Argumentative and Aggressive Communication: Theory, Research, and Application. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2006.
14. Rezaeinia S. M., Rahmani R., Ghodsi A., Veisi H. Sentiment Analysis Based on Improved Pre-Trained Word Embeddings // Expert Systems with Applications. 2019. Vol. 117. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2018.08.044>
15. Searle J. R. What Is a Speech Act? // Black M. Philosophy in America. L.: Routledge, 2014. <https://doi.org/10.4324/9781315830636-18>
16. Small G. S., Medsker L. Review of Information Extraction Technologies and Applications // Neural Computing and Applications. 2014. Vol. 25 (3-4). <https://doi.org/10.1007/s00521-013-1516-6>

17. Tausczik Y. R., Pennebaker J. W. The Psychological Meaning of Words: LIWC and Computerized Text Analysis Methods // Journal of Language and Social Psychology. 2010. Vol. 29 (1). <https://doi.org/10.1177/0261927X09351676>
18. Van Hee C., Jacobs G., Emmery C., Desmet B., Lefever E., Verhoeven B., De Pauw G., Daelemans W., Hoste V. Automatic Detection of Cyberbullying in Social Media Text // PLoS ONE. 2018. Vol. 13 (10). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0203794>

Информация об авторах | Author information

RU**Дини Ирина Анатольевна**¹, д. филол. н., доц.**Решетняк Дарья Александровна**²**Дроздова Екатерина Александровна**³¹ Московский университет имени А. С. Грибоедова;

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

² Московский университет имени А. С. Грибоедова³ Российский университет дружбы народов, г. Москва**EN****Deeney Irina Anatolyevna**¹, Dr**Reshetnyak Daria Alexandrovna**²**Drozdova Ekaterina Alexandrovna**³¹ Moscow University named after A. S. Griboedov;

Belgorod State National Research University

² Moscow University named after A. S. Griboedov³ RUDN University: Peoples' Friendship University of Russia, Moscow^{1, 2, 3} kuprieva@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.04.2023; опубликовано (published): 15.06.2023.

Ключевые слова (keywords): угроза; интернет-дискурс; маркеры; маркеры; стратегия; англоязычный сегмент; threat; Internet discourse; markers; strategy; English-speaking segment.